

В шаге от рая / мистический хоррор

Category: Kitarcsy, Mistika we fantastika

написано kitarcsy | 22 января, 2025

В шаге от рая / мистический хоррор В ШАГЕ ОТ РАЯ

(Только исключительно для взрослых!)

Пролог: Изабель

Изабель знала, что она во сне, что она спит. Что то что, видит действительно сон. Глубокий и невероятно реалистичный сон. Она, просто, спала. И во сне бежала по лесу, густому, заросшему ветвями корявых изуродованных

и страшных толстокорых деревьев.

Изабель путалась ночнушкой о торчащие в стороны толстые кажущиеся живыми ветви и бежала вперед. Сама не зная куда. Но, куда-то ее влекло непонятым искушенным в том сне девичьим желанием. Желанием скорой обещанной встречи. Она бежала в густом пеленой, и кажущимся неподвижным тумане, тумане, как молоко, в котором было, почти ничего не видно, но она словно, знала, куда надо было бежать. И она бежала, практически не останавливаясь, ни на секунду. Она спешила, потому, что ее ждал он. Тот русоволосый красавец. В том лесном церковном полуразрушенном храме. Там они и познакомились тогда, когда она случайно, а может, и нет, забрела в своем том реалистичном сне в тот полуразрушенный католический храм. Храм в том туманном лесу. Потом она все время вот так туда к нему приходила, и он ее постоянно звал в этот корявый заросший непроходимыми дебрями в округе сказочный и страшный лес. Звал по имени. Звал Изабель. Он знал ее имя.

Он, этот красавец. Молодой и высокий. Со светлорусыми волосами. Он появился во снах Изабель, как-то вдруг, и с той минуты они стали неразлучны, а сны становились все реалистичней. Она их стала чувствовать, как и его. Они прикасались уже друг к другу и были близки, но об этом не знала даже мама Изабель.

Изабель никому, про него не рассказывала. Да, а смысл, когда над тобой, всегда смеются и считают фантазершей. Твои, например, подружки и одноклассницы. Даже, мама, делает замечания к ее рассказам и говорит пора становиться взрослой. Изабель уже давно была взрослой, только мама, почему-то это не замечала, как и ее саму. У мамы была своя на личном фронте жизнь. Она была вдовой, и у Изабель не было отца. Вот мама и жила своей женской жизнью. Поиском нового приемного отца для Изабель. Скорее в большей степени поиском своего подходящего для вдовы любовника. А, Изабель жила сама по себе.

Нельзя конечно было сказать, что мама Изабель была плохая совсем мама, но как-то она последнее время совсем завертелась с этими любовниками и забыла о существовании своей дочери. Она практически ничем не интересовалась. Ни успехами в школе, ни ее Изабель личной жизнью.

А, он пришел, как-то вдруг и внезапно. Пришел однажды, ночью к ней и ее позвал с собой в тот сказочный жуткий корявый лес. Изабель крепко, тогда спала. И вот, он появился. Прямо в ее сне, и прямо рядом. Тогда, она ощутила его у своей постели. Ощутила на постели и рядом.

Кто он был тогда, этот незнакомец. Молодой и красивый. Правда, старше ее. По всему было видно, но Изабель и мечтала о своем уже любовнике и именно таком, каким себе представляла. Она не хотела иметь дело с ровесниками и теми, кто младше. Так устроена женская психика и особенно в юном возрасте. Все так и норовят завязывать шашни, с кем-нибудь постарше. А тут он этот красавец из того дремучего страшного сказочного леса. Из того полуразрушенного церковного храма.

Кто он? Она так еще и не знала. Откуда он взялся в ее Изабель снах. Кто его позвал? Может ее желания. Желания юной мечтающей о женихах девчонки.

Он, как-то быстро ею овладел в ту ночь. И мама об этом не знала. Не знала, что Изабель была уже не девочка. Что у Изабель свой появился тайный странный молодой любовник. Любовник в ее снах, снах, имеющих реальный контакт с этим миром.

Она не знала, как его зовут, но даже и не спрашивала. Боялась спугнуть ночное счастье. Вдруг не понравится и все он больше не явиться. И исчезнет тот лес и тот храм, в котором был он. Изабель боялась потерять его. Она без памяти влюбилась и жила только этой любовью. Она отдалялась от реальности и жила уже своими снами. Жила от сна до сна. Все остальное было уже ей не важно.

И вот, Изабель бежала по этому, жуткому корявому, но живому лесу. Она цеплялась ночнушкой о его вывернутые, словно на изнанку толстые ветви. Она бежала, поэтому стелющемуся под ее босыми ногами туману. Прямо спрыгнув с постели стоящей в этом же лесу. Этот лес каждую ночь появлялся в ее спальне и окружал Изабель постель. Каждую ночь появлялся у постели ее этот стелющийся под ее ноги молочный густой туман. И Изабель бежала на встречу на призывный своего ночного любовника зов, по этому лесу в тот стоящий в нем полуразрушенный каменный в странных рельефных барельефах церковный храм. Там они были всегда наедине и занимались любовью. Только, он и она, Изабель.

Эх, как бы, наверное, обзавидовались ее Изабель подружки одноклассницы, узнав об этом. Ни у кого такого не случилось в жизни. Даже Джинджер, самая старшая в ее классе, которая, девчонкам хвасталась об личных отношениях с бойфрендом. В общем, так себе, таким же, как и у остальных. Но не таким как у Изабель. Даже у Джинджер не было такого красавца. С длинными вьющимися волосами, из-под большой золотой с острыми зубцами короны на голове, как сказочный принц из какой-нибудь сказки. С таким красивым молодым почти женским лицом. С невероятно красивыми голубыми глазами и красивой атлетической фигурой. Если б только все видели его этого ее парня из сновидений.

Кто он? Изабель так и не знала, но он любил ее, и это было для нее главное, и он был теперь там в том храме и ждал ее. И Изабель спешила. Спешила на очередное ночное свидание.

Изабель не помнила, сколько в этот раз пробежала. Она особо и не мерила свой ночной по лесу сказочный полет метрами бега. Зачем ведь он ждал ее. Зачем ведь он был там и звал ее опять по имени. Он ее ночной красавец любовник. Они должны были быть вместе. Опять

этой ночью.

Как она его любила! Этого красавца из того полуразрушенного готического храма. Даже страха не было в этом лесу. Он ей казался теперь даже родным каким-то, куда более близким, чем был раньше.

Но было еще что-то, что-то в этом лесу. Что-то, почти, всегда шло по ее пятам и преследовало Изабель. Что-то враждебное и чудовищное.

Она ощутила один раз во сне появление еще кого-то. Тот другой или точнее другая, следила за Изабель, и даже один раз напугала ее. Это была ее соперница. Так Изабель по крайней мере поняла как женщина. Любовь не бывает без подводных камней. Даже во снах. Даже здесь был кто-то, кто хотел помешать их отношениям и теперь опять шел по пятам Изабель, по тому страшному корявому ветвистому живому лесу.

То, была женщина. Да, женщина. Молодая, такая же, наверное, как и он. Старше ее, но молодая, черноволосая с длинными вьющимися на невидимом ветру до самого пояса густыми кудрями. Брюнетка. Да жгучая брюнетка с глазами ночной демоницы. Черными как уголь и сверкающими огнем настоящего ада. Изабель видела только ее голову. Ниже была только тень. Черная женская тень, тень ее змееподобной фигуры, перемещающаяся каким-то образом над поверхностью стелющегося по земле туману.

Кто она Изабель тоже не знала, но знала, что она имеет какое-то отношение к ней теперь и к тому ее белокурому красавцу. Она преследовала ее буквально по пятам, не отставая ни на шаг в том лесу и до самого лесного того полуразрушенного старинного многовекового католического храма.

– Изабель! – раздалось в лесу – Изабель, любовь моя! Иди же ко мне!

И Изабель летела что было духу на призыв этой ночи. Она уже стояла на пороге того храма, когда сзади сломалась с треском за ее спиной толстая древесная ветка ближайшего с ней дерева. Та, что преследовала ее,

стояла там. Она смотрела на нее страшным пронзительным взглядом молодой жестокой ненавидящей ее ведьмы. Она стояла почти в двух шагах за ее спиной, но не трогала Изабель. Почему не было понятно. Может из-за него? Может он не давал ей прикоснуться к Изабель?

Изабель смотрела на нее, и ей было страшно. Она видела, как та ее ведьма оскалилась и зашипела как змея, а во рту у нее были конические острые как у зверя зубы.

Изабель, напуганная увиденным, быстро перешагнула через порог храма и заскочила внутрь здания под высокий его арочный с колоннадой свод.

– Я ждал тебя, моя Изабель! – сказал он этот русоволосый молодой любовник красавец – Ты вновь ко мне пришла, моя Изабель! Ты пришла ко мне вновь в мой лес и мой дом! И я рад видеть тебя здесь снова! – его голос гулко раздавался под сводами полуразрушенного готического храма.

Он приблизился к Изабель и обнял ее. Потом крепко прижал к себе и прижал ее девичью с распущенными черными волосами голову к своей обнаженной груди. Он был совершенно голым. Всегда. Изабель не задавалась вопросом почему. Он был голым и при их первой встрече, но тогда она не видела его полностью. Он пришел из того леса. Такой светящийся ярким светом. Повис над Изабель кроватью в их первую ночь, ночь первой встречи. Она поначалу видела только верхнюю часть его обнаженного мужского красивого тела, а позднее уже он обнажился перед Изабель полностью и таким был всегда. С момента их первой близости. Он был всегда совершенно голым, и он всегда как-то светился изнутри каким-то непонятным призрачным голубоватым светом. Казалось, его тело

излучало само этот странный лучистый свет. Но он был теплым и приятным. По крайней мере, Изабель так

казалось.

– Она опять шла за мной! – сказала ему Изабель – Она преследует меня все время! Мне страшно!

– Я знаю, Изабель – его голос стал мягким и тихим – Моя, Изабель – Он прижал ее еще крепче к своей обнаженной мужской молодой груди – Она мешает нашей любви, но скоро все кончится моя Изабель, все кончится. И для тебя и для меня.

Он схватил Изабель своими сильными голыми, как и его тело, мужскими руками, и, оторвав от себя, поднялся вместе с ней над полом своего полуразрушенного готического храма. В тот же момент казалось, остановилось все, и даже туман который затекал рекою через порог лесного каменного полуразрушенного монастыря. В тот самый момент любовник Изабель поднял ее еще вместе с собой выше под самый проломленный насквозь с обрушенной черепицей потолок призрачного из сновидений здания. И они вместе вылетели через его крышу и зависли в какой-то уже пустоте, где не было уже ничего совершенно кроме их двоих и белого вокруг тумана. Этот туман окутывал их и кружился вокруг медленно, очень медленно еле заметно.

Он и она тоже очень медленно вращались по кругу, и он держал ее в вытянутых руках, словно она Изабель не весила ни чего.

– Что происходит?! – Изабель испуганно спросила его – Такого ты не делал раньше?!

– Прости меня, Изабель, но так хочет она – сказал он ей – Так хочет она. Прости меня любимая – и он оскалился острыми как иглы во рту любовника большими зубами. А Изабель было пыталась вырваться, но уже не смогла в его тех сильных схвативших ее руках. Она закричала, но крика ее никто уже не услышал. Она дернулась что силы, но запястья рук ее любовника покрылись чешуей под золотыми на запястьях мужа браслетами, а пальцы украсились острыми кривыми как крючья птичьими черными когтями. Они тут же впились в

ее девичьи нежные молодые плечи, и потекла по ним ее Изабель алая кровь. Он, подтянув ее к себе наклонив свою с вьющимися из-под широкой золотой с острыми шипами короны на невидимом ветру длинными русыми волосами голову. И слизал невероятно длинным языком с плечей Изабель текущую кровь, размазывая ее по девичьему в изорванной ночнушке телу. За его спиной образовались большие невидимые доселе с жилками перепончатые, покрытые пятнами, как у летучих мышей крылья, которые делали машущие движения, и тело Изабель обвил идущий откуда-то сзади его из-под его мужских тоже с когтями на пальцах чешуйчатых ног длинный похожий на хлыст хвост.

– Прости, Изабель – сказал снова он – Так хочет она – и вонзил в ее шею длинные как иглы те свои страшные как у вампира зубы.

Девичий крик раздавался еще долго по ту сторону иного призрачного мира. Мира ночных иллюзий и сновидений. Мира захватившего Изабель вероломно и насильственно, по воле ей неподвластного в плотских необузданных желаниях молодого еще неконтролируемого совсем юного рассудка и девичьего тела. Ее крик не слышал никто. И ее тело так и нашли лежащим в своей постели, совершенно лишенное крови и изнасилованное с разорванной и вывернутой плотью девичьей промежности. Ее тело было в ранах и ссадинах. Шея, выгрызенная до самого позвоночника, была превращена в истерзанное месиво изорванной плоти с торчащими из нее разорванными венами и артериями, так что голова молодой мертвой изуродованной так и неизвестно кем девицы болталась, падая по сторонам как кегля, и не держалась на ее девичьих молодых изорванных когтями неизвестного хищника плечах.

Такой ее нашла сначала ее мама, а потом и полиция. Никто не мог знать, кто бы мог такое сотворить с молодой совсем еще школьницей. Делались лишь предположения и догадки, но так дело и осталось не

раскрытым и стало самым страшным и загадочным в 1970 году убийством штата Мериленд за всю его историю существования.

Он лежал на своем каменном ложе под сводом полуразрушенного в лесу монастырского храма. В ледяном ползущем по его каменному полу тумане. Он спал, насытившись вдоволь плотью и кровью молодой девицы. Он выполнил то, что обещал той, которая сейчас ползла черной тенью, извиваясь, как змея, по его в том тумане каменному полу.

– Ты молодец, что съел эту безмозглую сучонку! – сказала она, ползя змеей к нему.

– Это ты заставила меня это сделать! – ответил он ей резко в ответ, проснувшись и оглядываясь по сторонам – Твое вечное присутствие возле меня погубило ее! Если бы не я сам, то ты бы это сама сделала с ней!

– Ты прав, Элоим – сказала она страстно, целуя его своими змеиными ядовитыми устами – Вот только не мое, а твое присутствие возле нее погубило эту сучонку – она ответила ему, шипя по-змеиному – Ты мой, красавец, возлюбленный, Элоим. Не в силах побороть свои страсти и плотские желания, как и я. Только я бы ее еще и помучила.

Во власти беспокойных подружек

Алина крутилась перед зеркалом. Она крутилась то влево, то вправо перед своим отражением. Она осматривала себя со всех сторон, раздевшись голышом пока никого не было дома. Был уже вечер, часов шесть, но мама все еще была на работе, и папа тоже задерживался и Алине никто не мешал заниматься тем, чем она сейчас занималась. Она крутилась перед большим спаленным зеркалом одна в квартире, любуясь своими девичьими видами и осматривая себя с ног до головы.

Она никак не могла понять, почему так в личной ее

жизни не совсем все клеилось. Особенно с кавалерами. У Алины все, никак не завязывались ни с каким парнем близкие отношения. Почему она и сама не знала. Все подружки и одноклассницы были при своих кавалерах, а вот у Алины никого не было. Что-то было не так. Алина много раз пыталась завести отношения хоть с кем-нибудь из своего двора или класса, но все безуспешно. Дружба ни с кем, ни получалась надолго, а уж о близких отношениях уж и разговор можно было не заводить. И Алина так и не

понимала, что могло быть не так в ее девичьей молодой жизни. Вернувшись со школы еще в час дня и не застав никого дома, Алина, раздевшись до ногаты, ходила, в чем мать родила в одних черных девичьих из блестящего шелка плавках по всей квартире и смотрела на себя в зеркале и оценивала себя со всех сторон и крутилась как ненормальная. Она получила в школе отличные как ученица старших классов отметки и сегодня считала ей можно все, пока родителей не было дома. Пока они были на работе.

– «Что-то было не так? Что?» – думала она. Еще эти странные какие-то непонятные сны. Сны приходящие каждой ночью. Она их видела с недавней поры. Как-то они, начавшись внезапно, и теперь не переставали сниться Алине, почти каждой ночью. Она постоянно теперь видела какой-то странный темный затуманенный страшный корявый с толстой корой лес. С вывернутыми жуткими закрученными ветвями. И еще, этот странный живой белый туман, стелющийся медленно по земле, ползущий туман. Алина никому не рассказывала про свои эти сны, даже родителям и не придавала им значения, но эти странные сны навязчиво повторялись и ее это уже беспокоило.

Алина была хороша собой. Она даже лучше была своих одноклассниц подружек. У нее была стройная даже красивая девичья фигура. Упругая полная с красивыми сосками девичья грудь. Особенно ее ноги и особенно на высоких каблуках. Как она

смотрелась на тех каблуках в мини-юбке. Особенно на городской дискотеке. Она, с косым разлетом черных бровей, темноволосая синеглазая шатенка. Она такая была единственная непогодам развитая в своем дворе и классе, серьезная по отношению к баловницам одноклассницам подружкам, без дуринки в мозгах и всякого баловства в своей девичьей голове. Она хорошо училась и была лучшей в своем классе. Но вот в личных отношениях хоть с кем-нибудь у Алины не вязалось никак. Она просто не могла выглядеть белой вороной среди одноклассниц и подружек. Это была внегласная и тихая коллективная даже насильственно навязываемая девичьим обществом подружек, какая-то доктрина. Буквально во всем под страхом быть не такой как все не давала покоя Алине. И она себя рассматривала в том большом зеркале, думая только об этом.

В это время позвонили в дверь. Это ее одноклассница и закадычная подружка Ленка, ломилась в ее дверь. Шобутная Алинина подружка и вертехвостка. Она упорно не слезала с дверного звонка и, наверное, взбудоражила уже весь подъезд.

Алина накинула быстро домашний халатик и подскочила к двери. Она посмотрела в глазок двери. Точно это была Ленка. – «Что за дурная эта, Ленка» – подумала Алина – «Весь сейчас дом подымет». Она поспешно открыла ей дверь.

– Привет, подружка! – залетела на порог Ленка – Как дела?

– Ленка проскочила в коридор квартиры и заглянула в первую попавшуюся комнату – Забыла, какой сегодня день?!

– Пятница – ответила заполошной подружке Ленке.

– На дискотеку пойдешь? – скороговоркой громко спросила она – В «Хромую лошадь». Там все будут наши – она бегала по коридору – Вот я забежала к тебе. Ну, как, пойдешь?!

– еще раз спросила Ленка.

– Пойду! – несколько, оторопело и даже растеряно, на это неожиданное предложение ответила Алина – Я, когда-нибудь от такого отказывалась! - обрадовалась она

возможности потусоваться – Надо только собраться. Не пойду же я голая! – Алина едко ответила Ленке.

– Ну, так собирайся, я подожду! – прокричала радостная Ленка – Телек посмотрю?!

– Посмотри – ответила Алина и побежала спешно переодеваться. Она написала записку папе и маме о своем скором отсутствии из дома и походе на вечернюю дискотеку и что будет дома поздно. Так чтобы не беспокоились ее родители. И бросилась наряжаться в надежде кого-нибудь

подцепить там на танцах. Этот недостаток в своей жизни Алина хотела, как можно быстро исправить. Нельзя было выглядеть белой вороной в глазах школьных особенно подружек.

Бар «Хромая лошадь»

Шум вечернего Московского бара закружил двух подружек. Они в коллективе своих школьных друзей и подруг веселились, напропалую прыгая как угорелые под дискотечную музыку. Там было много пришедших и приезжих людей со всего города и округи. Бар был сильно переполнен и все толкались, чуть ли не локтями продираясь сквозь одичавшую от музыки толпу в основном молодых людей. Кого тут только не было и совсем еще молодые сопляки, и довольно редкие, но и в уже зрелых годах и телом подпитые изрядно особы. «Хромая лошадь» гремела на всю округу и была с улицы заставлена легковыми до отказа машинами. Люди приходили и уходили, кто на время покурить, кто, совсем уже нагулявшись пьяными вдрызг и крича, они садились в такси или личные машины разъезжались по городу в свете неоновых ламп реклам и уличных фонарей. В самом баре была дикая толкотня и суета. Крик и визг и грохотала как пушечные выстрелы танцевальная музыка.

У самой стойки ночного бара было тоже полно народу и несколько тесновато. Все заказывали постоянно себе

различные коктейли или напитки. Порой просто сидели от нечего делать на высоких табуретах, смотря, как ловко бармены управляют в поте лица со своими обязанностями, гремя стаканами и бутылками.

– Привет – сказала, подсаживаясь близко на освободившийся табурет, одному сидящему здесь мужчине лет, наверное, сорока молодая с красивыми локонами длинными спадающими до ее красивых плеч русых волос, лет тридцати женщина. Она была одета в короткое черное с вырезами декольте, вечернее платье, именно видимо на этот случай и сидела у соседней стойки бара. Она смотрела долго на сидящего не так далеко от нее лет где-то сорока мужчину, но тот не очень, то крутил головой и не смотрел по сторонам, чтобы ее заметить.

– Привет – она повторила, обращая еще раз на себя его внимание. Он посмотрел на нее пристально, словно, не узнав ее и снова, отвернулся.

– Может, угостишь даму вином – она нагло сделала мужчине предложение.

– Что клиентов мало – грубо по-хамски ответил он ей.

– Да, нет, хватает – холодно сверкнув умопомрачительным взглядом сверкающих и синих, как море глаз, она ответила ему – Отбою просто нет. Да все не те.

– Значит, бар выбрала не тот – ответил снова он грубо и без настроения.

Она осторожно почти незаметно пропустила свою руку ему между ног, глядя прямо в его большие широко открытые возмущенные ее такой наглостью глаза.

– Не делай вид, что не узнал меня – сказала настойчиво она ему. Он резко повернулся к ее красивому обрамленному кудрявыми русыми волосами молодому лицу голову и уставился на нее в упор.

– Слушай – он ей ответил возмущенно – Шла бы ты отсюда красавица!

– Неужели не узнал – ответила ему снова с придыханием молодая девица.

– Узнал, не узнал, какая разница – он опять ей холодно ответил – Ты опять нацепил женское тело Умбриэль.

– Значит, узнал, мерзавец – ответила ласковым голосом наглая девица.

– Узнал – ответил он, ей недовольно поворачиваясь обратно к барной стойке – И что с того?

– Вот, значит, где ошиваешься. В стороне от нашего Небесного дома. И как тебе земля, Миленхирим?

– Так себе – ответил молодой девице мужчина – Отстой. А тебя что занесло в наши края, Умбриэль?

– Вот залетел по старой братской дружбе, Миленхирим – ответил ему Умбриэль. Решил попроведать старого небесного друга – он сделал небольшую паузу и сказал – И ты вижу, мне не рад.

– А чему радоваться – сказал Миленхирим, потупив в стойку бара взор – С небес выгнали на эту землю и заставили болтаться вечно среди этих людей. Он кивком головы показал за его спиной на переполненный танцующими зал – И вообще, убери все-таки руку с моих яиц! – возмутился Милехирим.

– Вот, как! – удивленно сказал Умбриэль – Раньше тебе все это нравилось, там на Небесах! Помнишь!

Миленхирима нервно передернуло – Слушай, зачем ты здесь. Что тебе от меня надо – произнес недовольно мужчина – Я знаю, Ангелы, просто так, не прилетают! – он посмотрел пристально в глаза Умбриэлю – Явно, что-то опять стряслось с миром или грядет апокалипсис.

– Стряслось, милый мой Миленхирим – сказал Умбриэль – Стряслось – он убрал девичью свою молодую руку оттуда, куда до этого положил, щупая тонкими девичьими пальцами мужское достоинство соседа. И положил ему ее на плечо.

– Ты нужен нашему Отцу, Миленхирим – сказал уже жестче Умбриэль – У него есть для тебя работа.

– Вот так, новость! – чуть ли не восторженно произнес сосед Умбриэля – Богу понадобился я! В кои веки, и именно сейчас. И здесь в этом поганом месте!

– Это я предложил тебя ему – пояснил Умбриэль – Поработать на Рай.

– Поработать, как ты там сказал, на Рай! – мужчина громко, чуть не подпрыгнув на табурете, возмутился – А, может наш Отец заставил это сделать тебя – ответил, нервно, Миленхирим Умбриэлю. Может ты с небольшим желанием сюда прилетел.

– Понимай, как знаешь, любимый мой Миленхирим. Но, ты нужен ему. И нужен именно сейчас – ответил Умбриэль.

– А может, я нужен тебе?! – повышая голос продолжил Миленхирим -Может, ты боишься попасть в его немилость и упасть сюда на Землю, где сейчас я. Или, куда ниже, Умбриэль?! Ты, там, в Райских кущах у его Трона предал тогда меня! Ты, даже не заступился за нашу любовь и остался у его Трона. А теперь прилетел. И чего-то, хочешь от меня! – и он, отвернувшись от миловидной тридцатилетней обворожительной особы, замолчал, оттолкнув свой напиток в сторону по барной стойке, так что бармен, смотрящий на них, еле успел поймать стеклянный большой бокал. А она, выгибаясь, как кошка в спине, прижалась к нему своей трепещущей от возбуждения девичьей грудью и всем телом к его спине. Обняв его своими женскими молодыми руками, замурлыкала нежно ласковым обворожительным голоском – Надо же, уже покрыла седина вески, мой милый, Миленхирим – положив, одну руку на его голову, перебирая тонкими Ангела пальчиками, его седеющие волнистые черные стареющего стремительно мужчины локоны – Время не щадит тебя. Это, какое по счету, Миленхирим, твое уже тело?

– А, твое? – он дернулся в ответ и дернул свою седеющую голову, сбрасывая с нее руку своей умопомрачительной красоты соседки.

Повернувшись и отодвинувшись, он рассмотрел с неподдельным в ответ ей наглым интересом ее всю от прелестного молодого женского личика, до очаровательных в коротком ночном черном платье и в лакированных черных на высоком тонком каблуке туфлях стройных ног.

– Второе – ответил Умбриэль.

– И опять, женское – словно насмехаясь, произнес Миленхирим.

– Ты же знаешь, Мелинхерим – ответил ему также ласково в ответ Умбриэль. Мы Ангелы Божьи все бесполое и вольны себе выбирать любое тело. И облик сменить нам не помеха.

– Знаю – ответил ей сорокалетний седеющий мужчина – Так, кто ты теперь, он или она.

– Каждому свое, любимый мой, Миленхирим – ответил Умбриэль – Я скорее больше женщина, чем мужчина. И ты, это знаешь, лучше других Небесных Ангелов. Ты тут в нижних мирах, видно, все больше приобщился к разнополой жизни. Живи, как знаешь любимый. Я теперь, Мелинхерим, не знаю – ответил ему Умбриэль – Что для тебя лучше теперь, Ад или Рай.

– Так, что тебе, все-таки нужно, Умбриэль? – задал, дернувшись снова нервно вопрос Миленхирим очаровательной своей соседке – Ближе к делу.

Умбриэль снова пододвинулся почти в упор к Миленхириму, чуть не касаясь его своей полной в убийственном декольте грудью – Элоим сбежал из Рая – Умбриэль это произнес тихо и еле слышно – Твой близнец брат Миленхирим. Он последовал за своим братом, за тобой. Он забрал с собой Божью благодать и стал демоном. Он выстроил свой новый им мир внутри этого мира. Мир снов и иллюзий. Вот уже чуть ли не тысячу лет он питается молодыми совсем еще юными девицами и трахает их. И это не дает покоя никому, ни на земле, ни на Небесах.

– Вот как! А ты, ревнуешь! – Миленхирим едко улыбнувшись, ответил Умбриэлю и снова повернулся к барной стойке – Как ревновал меня, когда-то до падения к другим Ангелам! Когда ты, от ревности, бросив меня, занялся любовью с ним!

– Ты, идиот! – вспылил, уже выходя из себя Умбриэль. Его глаза сверкнули злобным астральным пламенем – Ты не слушаешь, что я тебе говорю! Ты совсем с ума сошел

здесь среди этих живых придурков вокруг! Оглянись, и посмотри в этот дурацкий их танцевальный зал! – он повернул соседа на стуле лицом к танцующей на танцевальной площадке молодежи – Мы все наказаны своим Отцом! И Ты, и Я! Наказаны за них! За соперничество между нами! За нашу с тобой любовь, мой любимый, Миленхирим! – и голос опять Умбриэля стал мягким и нежным – Но, Отец хочет положить этому конец и вернуть тебя в лоно Божье и вернуть твоего сбежавшего родного брата. Он простил нас! Простил всех нас, там на Небесах! Простил тебя, Миленхирим! И просит тебя о помощи! Он хочет положить конец вражде ангелов, и просит вернуть Элоима в обитель Божью! Только ты можешь, это сделать! Только ты, любимый мой, Миленхирим!

– Ты, это просишь, за него или за себя? – спросил Миленхирим у Умбриэля – Кому это больше нужно. Ему, или тебе, Умбриэль? Ты тогда проявил трусость по отношению ко мне – немного прервав диалог и посмотрев в девичьи обворожительные глаза Умбриэля, Миленхирим продолжил – Из-за тебя я уже, чуть ли не тысячу лет здесь в этой земной дыре, мой любимый, Умбриэль – и подколот едко – Или, любимая?

Прекрасные девичьи глаза в черной оправе тонких изогнутых бровей Умбриэля засветились неистовым гневом. Но, тут же, они снова стали прежними – Ты обвиняешь меня в трусости, Миленхирим. Но, сам пал до уровня человека! Ты Ангел Божий, стал, почти, как вот эти все дергающиеся на той площадке! – лицо смотрящего в зал Умбриэля передернулось презрением – Что хорошего пасть, вот так до их уровня!

И получить вот это твое такое гниющее стареющее год от года тело! – Умбриэль обидчиво и капризно, как женщина, отвернулся к барной стойке и замолчал. Миленхирим повернулся к нему и прижался плечом к обворожительной молодой особе, обняв за тонкую гибкую женскую талию.

– Вам может, чего-нибудь, налить? – спросил, слушая

вскольз, их разговор и принимая его за бредятину обколотых или пьяных придурков бармен. Умбриэль посмотрел на бармена красивым взглядом очаровательных женских наполненных теперь непотребной страстной гипнотической любовью глаз и произнес с придыханием – Я не буду, налейте, вот ему моему соседу. Он так долго на этой земле, что забыл, что такое моя к нему любовь. Бармен, ошарашенный видом этих женских потрясающе красивых сексуальных синих глаз, чуть не выронив сам тот бокал из рук, качнул одобрительно головой в ответ и наполнил быстро и виртуозно по профессиональному бокал соседу тридцатилетней красотки. Миленхирим увидев это усмехнулся увиденному, и убрал руку с талии Умбриэля.

– Прости меня, Умбриэль – произнес Миленхирим – Прости, и не помни зла. Я действительно засиделся в изгнании на этой земле. Пора домой к своим. Прости меня, Умбриэль, произнес он еще раз – он тихо произнес своей прелестной и обиженной на него соседке. Она ничего здесь не ответила ему, а только сказала – Он простит тебя, Миленхирим. Он уже простил твоего брата. Он хочет вернуть его из того мира, в котором он поселился. Не подведи его и меня, Миленхирим – Умбриэль, снова, повернулся в танцующий зал и заставил взглядом повернуться Миленхирима – Сделай это ради них – он смотрел в сторону танцующих молодых девчонок. Где танцевала с подругами, веселясь в танце Алина, смотря на нее, и туда же посмотрел Миленхирим, заметив его взгляд, на ком-то, в этой толпе. Он тоже заметил Алину и понял, что хочет Умбриэль.

– Ты правильно меня понял, Миленхирим – ответил Ангел Ангелу – Он ждет твоего решения. И этого от тебя буду ждать я – Умбриэль встал от барной стойки и пошел к выходу. Не оглядываясь и, видимо, сохраняя еще обиду, виляя женским упругим задом, и стуча высокими каблуками черных блестящих туфель, прошел сквозь охрану и исчез

за дверями ночного бара.

*** Mistika we fantastika